

то всегда „не успѣвающіе“ отмѣтить свою жизнь дѣлами болѣе почтенными и приличными.

И вотъ представьте же теперь, чтѣ произошло бы, еслибы обычаемъ было освящено правило писать, по проекту нашего автора, не въ своихъ собственныхъ мемуарахъ, которыми часто совсѣмъ не суждено видѣть свѣтъ, но на памятникахъ, полностью, *такую* „правдивую характеристику“ покойниковъ. Сколько тутъ проявилось бы мелкихъ счетовъ! Сколько подводилось бы итоговъ личнымъ неудовольствіямъ, которыя, по тѣмъ или другимъ условіямъ, прятались при жизни! Тогда наши „некрополи“ дѣйствительно превратились бы въ мѣста ужасныхъ злословій и, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, злословій напрасныхъ. Тогда отъ такой откровенности, несомнѣнно, вышло бы гораздо больше зла, чѣмъ выходитъ теперь отъ современныхъ умолчаній, по рецепту мудрой (все-таки, въ концѣ концовъ, мудрой!) латинской сентенціи, заповѣдующей о мертвыхъ или говорить хорошо или ужь молчать.

Василій Сократовичъ справедливо говоритъ, что непрестанно прогрессирующая, вмѣстѣ съ „прогрессомъ цивилизаціи“, распушенность, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ оскуднѣнія и упадка религиозныхъ началъ жизни, отъ исчезновенія вѣры въ жизнь будущую и т. д. Но думаетъ ли онъ, что того, кто не вѣритъ ни въ будущую жизнь, ни въ посмертное воздаяніе, можетъ смутить „правдивый судъ“ потомковъ, хотя бы и начертанный (легко изгладимый, впрочемъ), письменами на могильныхъ памятникахъ? Во всякомъ случаѣ, думать такъ, значило бы слишкомъ переоцѣнивать человѣческую природу. Ибо кто не страшится суда Божія, тотъ людскаго ужь, конечно, не утратитъ.

Въ одномъ пунктѣ трудно не согласиться съ Василіемъ Сократовичемъ. Это—въ вопросѣ о надгробныхъ и поминальныхъ рѣчахъ. Вотъ тутъ „правдивый судъ“ потомковъ, дѣйствительно, могъ бы имѣть значеніе.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, разсматривать, какъ несомнѣнный признакъ елабости нашего общественнаго мнѣнія, когда людямъ, завѣдомо прожившимъ свою жизнь предосудительно, нагаскиваютъ вѣнковъ, говорятъ поминальные спичи,—вообще, по выраженію Василія Сократовича, устраиваютъ поминальные водевилы. Этому ужь знаменитый Римскій афоризмъ, конечно, совсѣмъ не требуетъ. А если у насъ подобный образъ дѣйствій вошелъ въ моду, то это служить яснымъ признакомъ того, что у насъ людскаго суда часто не боятся уже не только покойники, но и живые, не стѣсняющіеся своими рѣчами высказывать свою солидарность съ покойниками.

Намъ кажется, что слѣдуетъ различать три вещи. *Не говори о покойникѣ—никакомъ вообще,—худало*, ибо это открываетъ просторъ дешевому злословію. Это—вопервыхъ. *Не говори о завѣдомо-худомъ покойникѣ хорошо*,—особенно въ поминальныхъ рѣчахъ, при людяхъ, которые сейчасъ же могутъ изобличить тебя,—ибо это поведетъ лишь къ соблазну и косвенно можетъ содѣйствовать упадку моральныхъ устоевъ жизни. Это—во вторыхъ. Но за тѣмъ остается еще третья возможность: *о людяхъ хорошихъ говори*,—говори хорошо, труби на всѣхъ перекресткахъ, не только что на ихъ могилахъ, всего чаще очень скромныхъ, ибо это содѣйствуетъ повышенію нравственныхъ устоевъ жизни. Это втретьихъ.

Въ концѣ же концовъ, такимъ образомъ, и выходитъ, что Римская сентенція не такъ уже несостоятельна, какъ казалось почтенному Василію Сократовичу. Ибо именно эти три вещи она и различаетъ, сводя ихъ для краткости къ двумъ: не говори, совсѣмъ ничего не говори о покойникѣ, *если не можешь говорить хорошо* (и ты долженъ это точно разобратъ); говори, кричи хоршее—о хорошемъ, — чтобы слышно было всѣмъ. Ибо и то и другое на пользу, на созиданіе жизни, очень трудной и сложной...

М. В.
324
90